

Анна Стреминская

Твердим урок печальной жизни

* * *

А когда все закончится – мы снова сыграем в бисер.
Посмотри-ка на этот бисер – солнечный яркий цвет!
Только помни об этом, мой загадочный мистер, –
помни, нас ждет игра, важнее которой нет.

Ты мне снова сыграешь адажио Альбинони,
я буду петь для тебя красивые грустные песни.
И мы заглушим с тобой все на свете стоны,
если мы будем вместе – а мы с тобой будем вместе!

Но посмотри: Дерибасовская в крови, в огне Куликово поле!
И дом чернеет с глазницами черными окон...
Неуправляема месть – но доколе, доколе
Ветхий завет будет вить в наших душах кокон?!

Мы опять с тобой затеряемся в старой Риге,
мы пройдем по всем святым местам Палестины.
Мы напишем с тобою прекрасные добрые книги
и в лучших музеях мы будем смотреть картины...

Но наша Одесса в крови – и это не киносъемка!
В огне и в крови истерзанная Украина...
Но если она любима – то будет она одна!
Я ставлю коробку с бисером на самую верхнюю полку.

Коля Бунин*

Папа в гостиную входит большими шагами –
мальчик к нему выбегает четырехлетний.
Радости детской в гостиной самум и цунами...
Клич испускает ребенок веселый, приветный!

Папа – кричит – покатай меня на трамвае!
Счастья предел – этот красный, чудесный, звенящий...
И ничего он вокруг уж не замечает –
только трамвай – воплощенье мечты настоящей!

Жил ты зачем? Ты – ребенок, песчинка, пылинка...
Так и ушел ты в сонме таких же пылинок.
Жизнь проблестела на солнце седой паутиной...
Миг – оборвалась! В сердцах лишь осталась повинных.

Папа – кричит – покатай меня на трамвае!
Крик этот длился в ушах и в Париже, и в Гресе.
Фото в нагрудном кармане своем сберегая,
жил твой отец, суть познавший и жизни, и страсти.

Где ты сейчас, на планете какой обитаешь,
в парках каких, по аллеям каким пробегая?
– Там, где Господь катает мальчиков на трамвае,
с папами вместе так радостно он их катает!

Париж

Что ты со мною делаешь,
что ты мне говоришь?
Слышишь, Париж?
Видишь, Париж?
Знаешь, Париж?

* Сын И. Бунина Коля умер в возрасте 4-х лет от осложнений после скарлатины.
Это был единственный ребенок Бунина.

Все бродяги твои изысканно так просты,
словно есть у них дом где-то там
неземной красоты.

О, как весело нам в нечистом твоём метро –
там играют «Бесаме мучо», танго, фокстрот...

Поднимусь на вечерний Монмартр и сяду под Сакре-Кер,
чтоб глядеть на твои огни, как в глаза – в упор.
Чтобы тайны твои ты разбалтывал мне налегке
на французском, арабском, бенгальском твоём языке!

Ароматы твои буду помнить я долго, до...
тех пор, как состарюсь, как мой состарится дом.
Круассаны твои, «Шанели» твои, «Ферро»...
Даже вонь негритянской мочи в ветвистом твоём метро!

Буду помнить я площадь с веселым названием Пигаль,
и как Элвиса Пресли старик из Нью-Йорка играл!
Там священные тени бродили – ты помнишь ли, кто?
Кто стоял там в цилиндре и сереньком летнем пальто?

* * *

Я в новый день вхожу – он двери распахнул –
всего лишь новый день, один из тысяч.
Вот светлое окно, вот стол и стул,
вот завтрак на столе. Но как мне искру высечь
из белого огнива дня, скажи...
Дом осветить, границы все раздвинуть,
чтоб день был для меня как маленькая жизнь –
наполнен до краев, дождями вымыт.
Чтоб был не скомкан старую газетой,
а весь наполнен смыслом, словом, цветом!
Чтоб обретал он плоть и вкус, и запах,
пред тем, как солнце заскользит на Запад.
Чтоб было все в том дне: любовь, и боль, и стих,
и луковиц сиянье золотых,

и красных яблок вспышки, и свечение
костров осенних и листвы осенней!

* * *

Бежит печальная собака,
трамвай печально проезжает,
печальный парк собрался плакать,
зачем – не знает!

Печальный бомж сидит под школой,
твердит урок печальный жизни...
Лишь двоечник один веселый
на дядю смотрит с укоризной.

Печальный листик пролетает,
он, как и я, совсем не знает,
куда ему себя девать.
И кружит над костром опять!

Печальный дым, печальны строки,
печальный космос одинокий...
Роняет он дождя нефрит
и ничего не говорит.

* * *

Художнице Тане Гончаренко

Но стало меньше в мире красоты
с твоим уходом. Красота хрупка.
Зачем ушла так одиноко ты?
Куда же увела тебя тоска?

Знакомых много – не было друзей.
Любимых не было – лишь славы забытье.

Ушла ты в мир из линий и теней...
Забрала одиночество свое.

А в натюрмортах нет ни тени слов –
изысканность лишь там цветком цвела.
Как много принесли тебе цветов –
а на холстах тонули в зеркалах!

Промозглый день нас до костей пробрал:
осенняя, шершаво-злая тишь...
А где-то там, в пространстве, ты летишь...
И нет ответов в сумерках зеркал.

